

Илья Красильников

СИМТОМ

Илья Красильников

Симптом

«Автор»

2026

Красильников И.

Симптом / И. Красильников — «Автор», 2026

Исследовательский корабль «Фотон» заканчивает свой длительный перелёт и выходит на орбиту далёкого светила. Одиночество и рутина медленно подтачивают рассудок команды, но настоящий кошмар начинается когда на борту обнаруживается «Симптом» — по ночам кто-то тайно съедает сухие пайки Леонида, члена экипажа, погибшего в самом начале экспедиции. Пытаясь разобраться, геолог Илир вскрывает опасные тайны своих коллег. Но главная проверка ждёт их впереди. Фиолетовая планета Виолетта, к которой держит курс «Фотон» оказывается не просто каменным шаром с флорой. Это астрономический живой организм со своей иммунной системой, который по своему отреагирует на появление землян.

Илья Красильников

Симптом

Глава 1

Глава 1

Трое стояли у входа в кабинет управляющего, собрались на плановый совет. С недавних пор перестал звучать оповещающий сигнал. Он не требовался. Каждый выучил, для этого было достаточно времени — восемнадцать месяцев, что в пятницу в без двадцати семь нужно явиться сюда.

Ключ с обратной стороны провернулся в скважине. Механизм захрустел, шелкнул и дверь приоткрылась. В щели показалось лицо Лазара.

Люди стояли не шелокнувшись — дожидались приглашения. Входить нельзя, это устав. Конечно, никто теперь не воспринимал его всерьез. Космическая скука смягчила строгость правил, привезенных с Земли.

Энвер коротко шмыгнул носом. Его, кажется, больше остальных забавляло происходящее.

— Входите, — сказал управляющий, выдержав большую паузу.

Весь экипаж в сборе. Каждый сел в предписанное ему место. Кресла расположились, очертив пятиугольник — по одному на каждой грани. Между креслами было просторно, с почти что церемониальной щедростью, проектировщики заложили право разума на уединение. Дистанция между ними исключала возможность случайного, невежественного соприкосновения. В центре, очерченный этим правильным пятиугольником, зиял объемный куб пустоты.

Илир поерзал в широком сидении, искал удобной позы. Сегодня он не знал, куда деть руки. Перекладывал их с бедра на бедро, скрестил на груди, едва не сунул в карманы забыв, что карманов, разумеется, нет.

Лазар — тучный управляющий корабля "Фотон", осмотрел своих подчинённых с равнодушием. Зрачки медленно скользили под тяжестью нависших бровей. Глазные яблоки у него покрылись сеткой красных, раздувшихся капилляров; под ними висели мешки полные усталости. Нижняя губа слегка отвисла, оголив верхушки мелких, напоздающих друг на друга зубов. Взор его остановился на пустующем кресле. С механическим усилием, он повернул голову дальше — и его глаза, с запозданием скользнув по глянцевому подголовнику, наконец усталились на Догната.

Белки глаз блеснули на лице астрогатора, он сгорбился, протянул длинные, смуглые руки со слегка шелушащейся кожей за подставку для ног и, не меняя положения, сдавленным голосом начал свою речь:

— Тремя часами ранее я вошёл в навигационную. Там и провёл все три часа.

Догнат легко поморщился, достал из-под ног внушительного размера металлический куб, разместил его на коленях и стал нажимать на утопленные в его корпусе кнопки. Рывком поправил выходящий из ящика, покрытый желтовато-красной патиной, оголенный медный провод. Продолжил:

— Мы на подлете.

Никелированная ручка тумблера, помутневшая из за бесчисленных касаний жирных рук, шелкнула. Потолочные лампы погасли, и на миг помещение поглотил беспроглядный мрак. Спирали в плафонах ламп накаливания пожелтели, залив помещение приглушённым теплым свечением.

Напольные плиты по центру рубки разъехались, образовав пятиугольник, похожий на маленькую копию очерченной креслами фигуры. Из темноты этой геометрически правильной выемки вытянулся наружу телескопический цилиндр. Он переливался редкими бликами в полумраке и остановился на уровне пояса взрослого человека. На его конце чернела роза. Почти как настоящая. Её лепестки из углеводородного волокна стали распрямляться. Включились медные катушки. Ток, играя на их спиральной обмотке, мелодично гудел.

Воздух, тот массив никак не использованного пространства между людьми, мерцал, наполненный тысячами крохотных огоньков. Каждый из них был не крупнее монеты. Беспорядочная пляска светлячков постепенно обрела свою геометрию и логику. В пестром копошении все чаще очерчивались правильные параболы, комочки света замирали один за другим, находя свое место. Наконец глаз мог уловить внятные образы, так старательно выстроенные безмянными точками. Один огромный шар, который не обхватить втроем, по диаметру клеймила надпись: ЭПСИЛОН ЭРИДАНА ЭПСИЛОН ЭРИДАНА ЭПСИЛОН ЭРИДАНА.

— Сегодня я вел беседу с Бортовым Навигационным Компьютером. БНК — "Мыслитель 2" — сообщил, что в расчеты точки входа на переходную эллиптическую орбиту закралась погрешность. Небольшая, в одну тысячную астрономической единицы. Это немного, крохи на полях вычислительного журнала. Мы решили оставить все как есть, без правок.

— В каком часу начало торможения? — спросил чей-то голос за стеной огоньков.

— Кораблю нужно погасить чудовищную скорость. Торможение уже началось: мы перешли в захват гравитационного поля. Ровно в восемь запланирован поджиг БМУ.

Между слов Догната вклинился механический рык. По рубке прошла весьма ощутимая дрожь; в глубинах корпуса налились огнем мощные сопла боковых маневровых установок. Догнат сделал паузу, пояснил:

— Разворот по тангажу на сто восемьдесят градусов. Нагрузка на силовую раму корпуса достигнет критических значений по самому низу шкалы в момент отстыковки Малого Исследователя.

Илир потер вспотевшие ладони. Он с интересом внимал словам астрогатора и теперь, услышав волнуемое для него известие, подался вперед, почти перестав дышать.

— До отстыковки семьдесят два часа, — Догнат подбирал слова. — С навигационными маяками связь установить не вышло, не отвечают. Повторно направлю запрос координат, когда окажемся с обратной стороны звезды. А пока, установил наше положение в пространстве сверхдлиннобазовой интерферометрией — далекие квазары никогда не подведут. Двигательный комплекс сработает сразу, как я откалибрую его на синхронизацию с планетой-целью.

Догнат развернул металлический куб, осмотрел его торец и нащупал пальцами ребристое колесико. Стал проворачивать — оно упруго сопротивлялось. Вместе с тем изображение Эпсилон Эридана теряло объем. Надпись поблекла и звезда, занимавшая почти всю рубку, сжалась до размеров школьного глобуса.

Вблизи светила затанцевали жёлтые точки. Они сливались воедино, образуя мельтешащий комок. Мерцающая каша приобрела шарообразную форму. Её украшала надпись: "КТ-116". Рядом с ней, повторяя тот же набор несвязных действий, очертился похожий шарик, подписанный: "КТ-939". Оба они были не больше крупного яблока. Светлячки вытянулись в пунктирную линию. Эта линия тянулась к ближнему, относительно звезды, шару, проходила совсем рядом с ним, делала завиток у звезды, рисовала вытянутый эллипс, концы которого упирались в стену. Из этой же стены вытягивались новые линии, переплетались воедино и, устремившись к шару с надписью "КТ-939", линия смыкалась вокруг него в кольцо.

Илир шагал по коридору, направляясь к своей каюте. В руках он держал увесистую кипу бумаг, которую для баланса облокотил о живот. Белый свет, что лился из потолочных ламп, дрогнул. По коридору прокатилась волна дробного треска реле. Черета точных, каскадных щелчков, похожих на падение костяшек домино, настигла его, перемахнула над самой головой

и скрылась за ближайшим поворотом. Лампы, покорные единому алгоритму, застыли в приглушенном свечении. Илир остался стоять в синей прохладе разлившихся сумерек, примечая в уме: время за полночь. Вдруг кипа бумаг, будто взбухшая от воды, налилась весом. Он покачался взад-вперед на согнутых ногах, оценивая возросшее притяжение. Догнат включил тягу, когда все должны были спать: к утру никто не заметит, что привычное два же подскочило до трех.

Илир продолжил путь. Теперь каждый его шаг разливался в недрах корабля оглушительным лязгом. Было трудно понять, что звенит громче — напольное покрытие под его возросшей тяжестью или звенящая тишина корабельной ночи, в которой шорох равнялся пушечному выстрелу.

Дверь в каюту отворилась, навстречу подул поток стерильного холода. Тусклое освещение ночной лампы озаряло прикроватную тумбу и книги, стоявшие на ней; Илир скользнул взглядом по тумбе — сразу приметил пустое место в аккуратном строю корешков. Он шагнул внутрь и застыл. В кресле — на корабле креслами именовались любые стулья с мягкой обшивкой — разместились плечистая фигура. На её коленях, утопленных в полумраке, лежал пузатый том.

Илир не отрывал глаз от фигуры. Он провёл ладонью по шершавой стене, на ощупь отыскал на ней кнопку переключателя и зажег свет. В кресле сидел Энвер. Его глаза сощурились, а острые, как лезвия, уголки губ поползли вверх, рисуя в улыбку. Он подался вперёд, почти согнувшись пополам, и подпер подбородок рукой. Дневная щетина зашелестела о кожаную перчатку.

Илир устало вздохнул; его руки повисли по швам, будто плетеные веревки. Каждый член экипажа давно стал для него книгой, прочитанной от корки до корки. Он твердо убедил себя, что теперь, спустя чуть больше полутора лет в запертом пространстве с этими тремя, ничего нового от них не услышишь. В таких условиях человек превращался в стеклянную витрину, где как на ладони разложены все его достоинства и недостатки. Илир невольно изучил поведение товарищей, их привычки и реакции — вплоть до частоты жевательных движений во время пищи. Он знал наперед, как Энвер начнет этот разговор и как его закончит.

— Читать о камнях утомительно.

— Читать в темноте, к тому же, вредно.

Илир впервые видел Энвера за столь странным занятием, но не удивился. Эта выходка пополняла длинный список его чудачеств и в целом вполне вписывалась в образ. Энвера нельзя было назвать ни серой мышью, ни писаным красавцем: ровные, чуть грубоватые, местами скошенные линии его лица обретали гармонию при одном ракурсе и тут же теряли её при другом. Многое зависело и от освещения. Так, например, сейчас на Илира взирали две голубые бусинки из-под тяжёлой надбровной дуги; ещё минуту назад, в полумраке, это же лицо напоминало карнавальную маску, выкроенную дилетантом. Сильная, длинная челюсть, сужающаяся к подбородку, придавала профилю идеальный нижний контур, а вот лоб, — глупо, — выпячивался вперёд. Можно было часами изучать это лицо, удивляясь переплетению красоты и безобразия, но Илир давно пресытился этим занятием.

— Возьмешь это на вахту? — Энвер мотнул головой в сторону кипы бумаг.

— Это собрание статей о геологии Меркурия. Будет чем заняться.

— Меркурия?..

— КТ-116 — его почти полный двойник по силикатному индексу. Планеты похожи.

— От скуки на стену полезешь.

В словах блеснул упрек, сделавший весь разговор картонным. Молодой геолог, часто сдерживающий мимические позы, невольно нахмурился.

— Что хочешь? — Наконец выдохнул он вопрос, повисший на языке с самой встречи.

— Помощи... Отложения в отстойнике пищевого синтезатора закупорили сливной клапан. Я пробовал прочищать его, раз, другой... Сбился со счета. Это уже пол года длится, если не ошибаюсь.

"Что он городит? " — промелькнуло у Илира.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе прочистить клапан?

— Не знаю... вернее, нет. Они минеральные.

— Кто, "они"?

— Отложения.

Идиотский это был разговор.

— Проблема в минерализаторе?

— Думаю, что так.

— Но пища не горчит, значит, дозатор компенсирует поломку.

— Потому компенсирует, что я его все время чищу! — Энвер не скрывал раздражения.

— Честно, это не единственная проблема. Конечно, пока ты здесь, нужно воспользоваться спектрометром в геологическом отделе. Сам я — нисколько не смыслю в его устройстве.

— В чем заключается вторая?

— Сейчас расскажу. Пройдем, пожалуйста.

Не говоря больше ни слова, они двинулись на выход. Дверь за ними захлопнулась, коридор повторил эхом скрип её петель.

Столовая напоминала куриное яйцо изнутри. Гладкие, покатые стенки без углов, без плоской поверхности. Пол перетекал в потолок, сливался с ним в единый контур.

Столы были фрагментарные: их можно как объединить в одну большую столешницу, так и отсоединить свою половину и трапезничать отдельно. За каждым членом экипажа был закреплён его столик. На корабле работа протекала вахтовым методом, большие застолья — редкость.

В самом узком месте помещения, где стены сходились в тупой конус, стоял пищевой синтезатор.

Энвер потянул за рукав геолога, они зашли за большой продовольственный ящик с мягкими стенками.

Под подошвами звякнули гаечные ключи.

— Так, это ты их сюда принёс? — сказал Илир, поглаживая носком ботинка открытый ящик с инструментами.

— Я, — сухо ответил товарищ.

Тусклая синева помещения заливала черты крохотного лица Энвера, проникала в складки, морщины, придавала всему образу необычные пропорции. Илир тщательно всматривался. Он хотел запечатлеть лицо друга перед тем, как покинуть его на месяцы.

Глазки Энвера, похожие на оливки, смотрели на него из узко посаженных глазниц. Покров чёрных волос лежал на черепе как не совсем ровно выкроенный лоскут ткани. Волосинки остриём своим смотрели направо. Он облизал губы сухим языком.

— Илир... — растерянно начал Энвер. — С той самой поры, как Леонид нас покинул... — Он прочистил горло. — На борту происходят странности.

Илир бросил на него вдумчивый взгляд.

— Понимаешь, Леонид, то положение, в котором он оказался... он ведь не может расходовать свой паёк пищи. Он...

— Он в полутора световых лет позади нас, — продолжил Илир.

— Да, — быстро подхватил собеседник. — Там, в черноте космоса, покоится в пластиковом гробу. И тем не менее, его паёк по-прежнему расходуется.

— Что? — недоуменно вскинул брови геолог.

— Да, да... Его еда пропадает, так, будто Леонид и не покидал нас. В промежутках между часом и тремя ночи синтезатор выдаёт его порцию.

«Это может быть кто угодно из экипажа — приходит и съедает дополнительную порцию», — подумал Илир и опешил от своей глупости: продовольственный алгоритм не позволит украсть и одной калории. Каждая инициация выдачи строго именная.

Илир принялся. В стерильном, пахнущем озоном воздухе столовой вдруг проступил другой запах — тяжёлый, сладковатый аромат жареного мяса и лука. Это было настолько неуместно здесь, посреди вакуума, что желудок Илира спазматически сжался.

— Выдача на имя Леонида?

— Да. Но на этом странности не кончаются: в записях выдачи числятся только те блюда, что при жизни любил Леонид: запечённый цыплёнок в сметане, печёный картофель с шампиньонами, молочная лапша, свиное сало холодного копчения, яблочное пюре, консервы с рыбой... Ты понимаешь, Илир? Алгоритм не просто выдаёт еду. Он выбирает именно ту последовательность. Вчера была среда — день его любимой молочной лапши. Я пришёл сюда в три часа. Лоток был ещё тёплым, а по поверхности молока... — Энвер запнулся, — по нему ещё расходились круги, будто кто-то только что вынул оттуда ложку.

— Обжорливый призрак, — сказал Илир. И сам вздрогнул от своих слов. При жизни Леонид таким не был.

Энвер с неодобрением посмотрел на него. Илир прикусил губу.

В вязкой тишине синтезатор щёлкнул.

Они оба посмотрели на него. Синтезатор молчал.

— Просто... — начал Энвер. — Просто реле. Температурное.

Илир кивнул.

Когда Энвер замолчал, в тишине столовой стал слышен шелест. Не работа вентиляции, а тихий, ритмичный звук, напоминающий трение сухой кожи о гладкий пластик. Звук шёл со стороны столика Леонида, но там была лишь пустая, идеально ровная поверхность.

Из коридора раздались шаги. Чьи-то тяжёлые ноги гулко били по полу.

Энвер схватил товарища за руку и поволок к столику, от которого только что доносился шелест. Оба нырнули под столешницу, как дети.

Илир случайно коснулся стула, на котором обычно сидел Леонид. Пластик под пальцами был не ледяным, как положено неиспользуемому оборудованию, а едва ощутимо тёплым. Липкое, животное тепло, будто кто-то только что грел это место своим весом.

Басовитый топот заполнил столовую. Некто миновал вход и замер, тишина разлилась следом. Незнакомый стоял в центре комнаты, будто вслушивался в неё. Снова раздались шаги. Скрытый столешницей, он, кажется, направлялся прямо туда, где затаились парни.

Звякнула алюминиевая миска. Зашёлкали кнопки на корпусе репликатора, динамики пропели мягкий сигнал загрузки. Энвер повернул голову Илира к себе и беззвучно прошептал одними губами: «Кто-то готовится к трапезе» — так оно и было.

Зажужжало сопло пищевода, на тарелку повалилась густая масса. Едва процесс завершился, открылась крышка выдачи твёрдой пищи, и по столешнице лязгнули кухонные щипцы.

Двое смотрели друг на друга, вскидывая то левую, то правую бровь, в полумраке корча на лицах немые выкрики.

Ни звука более не доносилось. Ледяная тишина застыла в воздухе, мешая понять, что происходит теперь. Казалось, ничего и не происходило, будто ночной гость растворился. Время тянулось медленно. Колени утомились, наливались усталостью. Илир и Энвер переминались с ноги на ногу, как утки. Дыхание стало сбивчивым, они сглатывали воздух через приоткрытые рты.

В головах обоих зрела мысль, что никого, кроме них, здесь нет. И тут же, что они ошибаются, а неизвестный затаился и вот-вот прыгнет, как хищник из засады.

Энвер едва слышно плюхнулся на пол пятой точкой и принялся растирать затекшие, горящие колени. Оперся на руки, наклонился к свету, пытаясь просунуть голову между столом и стулом. Едва это удалось, глазки забежали под толстыми бровями, выхватывая каждую мелочь кухонного интерьера.

Тут же за ворот рубахи кто-то дёрнул и затащил обратно под стол. Илир прижал палец поперёк губ — они свернулись трубочкой, оскалив крупные, квадратные зубы.

Из темноты наверху доносился ритмичный стук железа о керамику — кто-то торопливо скреб ложкой по дну тарелки. Звук сопровождался свистящим шмыганьем носа. Затем раздалось резкое, прерывистое дуновение, и следом характерный, влажный шлепок мелких брызг, разлетевшихся во все стороны. К этому примешивалось влажное хлопанье и чавканье. Наконец, все стихло, и в установившейся тишине прямо над головой раздалось тонкое, протяжное хныканье.

— Затем же умер, затем, чтоб в космосе остаться...

Ложка с сухим дребезжанием ударилась о тонкий металл столешницы. Послышался резкий свист втягиваемого воздуха, сменившийся тяжелым хлопаньем — жидкость цедили сквозь зубы. Пустая жестяная тарелка отозвалась на этот звук резонансом, который медленно гас в окружающем безмолвии.

— Прости меня. Прости ты...

Под столом, в крошечной тьме, Энвер и Илир замерли, улавливая дыхание друг друга. Физическое присутствие товарища угадывалось лишь по едва заметному движению воздуха. Энвер забыл про изнуряющее его жуткое жжение в уставших ногах; ощущение собственного тела растворилось в этой темноте.

— Дело техники... течь устранить, устранить... Почему послал тебя на улицу? Господи!

Последнее слово разорвало тишину подобно громовому раскату. Совсем рядом содрогнулся пол, и парни вздрогнули.

«Послать на улицу», — мысленно повторил Илир, и в его памяти мгновенно ожил знакомый гул технического отсека. Выйти на улицу — так на судне называли внекорабельную деятельность. Перед глазами возникла последовательность: скрежет пластиковых сочленений, скрип плотной резины, сцепляющейся в герметичный контур вокруг тела, сухой, обрубаящий все внешние шумы щелчок гермопластины, вставшей в пазы на груди. А затем глухое шуршание шагов, уводящих человека к шлюзу.

Прямо над головами парней что-то скрипнуло — человек сверху поднялся и, грузно переминаясь с ноги на ногу, зашагал куда-то вглубь помещения. Звук его шагов удалился к стене, где из соображений экономии места была встроена автоматическая мойка. До слуха затаившихся парней донеслось характерное шипение разъезжающихся створок, а затем, мягкий стук железа о прорезиненный поддон. Машина с тихим гулом приняла посуду. В ту же секунду изнутри чаши раздалось плотное журчание водяных струй, оmyвающих утварь. Под этот шум удаляющийся шаг едока стал затихать, пока полностью не растворился в глубине коридора. Кухня опустела.

Тем же вечером Илир сел на кровать, матрас из пены принял форму бедер. Взгляд его был сосредоточен, брови сердито нависли над глазами. Чуть позади щек подрагивали мускулы — он сжимал и разжима зубы. В синем полумраке глаза нашли тумбочку, он коснулся холодной хромированной ручки и шарнир зашуршал выдвигая ящик. Маленький планшет лежал внутри пластикового ящичка на котором блестел отпечаток текстуры дерева. Илир взял гаджет в руки, краска на месте где он лежал протерлась от многочисленности подобных движений.

Пиксели горели, ложась на лицо Илира бледным белым. Поток света лишали физиономию очертаний, забирали тени. Юноша смотрел на экран испуганными, слегка зажмуренными глазами.

Палец нашёл нужную кнопку, открылось коммуникационное окно. Черные букочки побежали по стеклу: контакт. Алёна; звонки. один; последний звонок. пятьсот сорок один день назад; время. семнадцать часов девять минут; продолжительность. сорок одна минута двадцать три секунды;

Илир громко проглотил слюну. В тишине слышно мокрый звук смыкающихся век. Под левым ребром что-то кольнуло, в груди будто ухнул вагонный состав. Он поднес планшет совсем близко к лицу, отдельные огоньки пикселей обрели очертания. Дыхание красило холодное стекло в матовый, оно запотевало от набегающих потоков тёплого воздуха под его ноздри. Неожиданно для самого себя Илир коснулся губами планшета. Мягкая плоть сомкнулась кольцом в том месте, где было имя девушки.

Илир замер так на секунду, закрыл глаза, и из-под ресниц проступил блеск.

Экран погас. Снова зажегся, внизу экрана темнела надпись: входящие сообщения. ноль;

Пятьсот сорок дней назад космическое судно "Фотон" активировало метрический привод в гравитационном колодце Сатурна. В тот же день в Солнечной системе зафиксировали жесткий гравитационно-волновой всплеск — чудовищный фронт реликтового смещения, который на несколько часов ослепил детекторы околосемных обсерваторий. Позади корабля пространство схлопнулось, гравитационный контур замкнулся обрубая всякие радиосигналы. Центр «Земля» прекратил существование в рамках экспедиции.

Илир положил планшет на место. Толкнул ладонью створку ящика, она закрылась с глухим хлопком. Наступила тишина. Только стук собственного сердца пульсировал в висках. От слишком сильного удара крышка отскочила обратно, и между панелями разошлась узкая черная щель. Рука сама потянулась к мебели, чтобы убрать зазор, но застыла на полпути. Что-то внутри него завывало, отстегнулось и плюхнулось вниз. Глаза отвернулись, гуляли по комнате в поисках на что переключить внимание. Нельзя смотреть назад, — подумал про себя Илир. Кусок стекла и пластика обжигал руки как раскаленная добела сталь. Он захлопнул ящик, вдавливая его панель с особым усилием. Вскинул над собой вафельное одеяло, оно мягко легло на его длинное тело, растянувшееся вдоль кровати от спинки до спинки. Матрас обнимал все крепче, помня форму его тела и принимая каждый изгиб словно в специально выточенный паз. Прошедший день покидал голову, она становилась лёгкой, почти невесомой и пустой. Словно изнутри откачали все мысли, заполнили воздухом, и она стала полой, как мяч.

Настало время покидать насиженное место. Каким бы сильным не был трепет перед стартом, радость от опасного события, ставшего долгожданным в этой космической скуке, была сильнее всяких тревог.

Илир вошел в ангарный отсек. Тесная каморка не была рассчитана на двоих: противоположные стены сходились так близко, что их можно было коснуться, широко разведя руки. Высоко под потолком ровно горели лампы дневного света. Их лучи падали на обшивку спускаемого аппарата, отбрасывая под его корпус угольно-черные тени.

Догнат сидел спиной к двери, низко наклонившись над импровизированным рабочим столом. Роль мебели в этом выполняла транспортная тара: сам астрогатор устроился на малом упаковочном контейнере, а планшеты и расчетные схемы разложил прямо на днище перевернутого деревянного ящика. В его пальцах ритмично двигалась шариковая ручка, оставляя синие следы на плотной сетке миллиметровки.

— Илир, подойди ближе, — не оборачиваясь, произнес Догнат. Голос его прозвучал глухо в тесном пространстве.

Астрогатор тяжело поднялся, развернулся корпусом к вошедшему и протянул ему лист. Страница была сплошь покрыта убогими, вытянутыми цифрами, которые из-за высокой плотности записей наползали друг на друга, чем напоминали иероглифы.

— В расчетные параметры маневра торможения закралась погрешность, — сухо констатировал Догнат. — Неточность меняет итоговую околозвёздную орбиту, что несколько отразится и на твоём спуске.

— Сильно?

Не услышав вопроса Догнат продолжил:

— Это должно выровнять траекторию. Смотри сюда.

Он жестко уперся указательным пальцем в правый нижний угол бланка. Ноготь глубоко вдавил бумагу рядом со столбцом крупных, выведенных с особым нажимом цифр.

Илир принял документ, бегло изучая структуру вычислений.

— Это поправка для импульса маршевых дюз? — спросил он, поднимая глаза на коллегу.

Лицо астрогатора тронула едва заметная усмешка. Он скупно кивнул:

— Анализируешь верно. Попробуй разобрать оставшийся блок.

Илир перехватил лист, удерживая его на уровне глаз. Взгляд его теперь двигался медленнее, методично проверяя каждую математическую строку.

— А вот в этой позиции, — Илир указал краем ногтя на верхнюю границу расчетного четырехугольника, — заложена угловая коррекция для маневровых установок малой тяги?

Последние слова он произнес с некоторой долей сомнения, ожидая подтверждения старшего специалиста.

— Ошибки нет, всё точно, — Догнат шумно и облегченно выдохнул через нос. — Сейчас я перенесу эти данные на перфоленту для ввода в блоки БМК-1. Дай мне итоговый формуляр...

Договорить астрогатор не успел. Илир протянул ему плотный, еще не успевший остыть лист специальной черной копировальной бумаги. В самом центре документа контрастными белыми литерами штампа светилась виза: «К полету допущен».